

Моя первая встреча с Бакуниным

Эррико Малатеста

1 июля 1926

Эррико Малатеста
Моя первая встреча с Бакуниным
1 июля 1926

Pensiero e Volontà, год 3-й, №11

ru.anarchistlibraries.net

Было это в конце лета 1872 года в Неаполе.

Неаполитанская федерация Интернационала трудящихся делегировала Кафьеро и меня представлять её на конгрессе, который должен был состояться в Швейцарии (и действительно состоялся в Сен-Имье, в Бернской Юре), для соглашения между всеми секциями Интернационала, восставшими против Генерального совета, который под руководством Карла Маркса хотел подчинить всю Ассоциацию своей диктаторской власти и направить её не к разрушению, а к завоеванию политической власти.

Я был весь воодушевлён этой борьбой, от которой должна была зависеть судьба Интернационала и будущее революционного и социалистического действия.

Молодой человек, делающий первые шаги, я был, естественно, совершенно счастлив от возможности поехать на конгресс, вступить в прямое общение с товарищами из всех стран и, быть может, даже горд от того, что заставляю услышать свой голос. В том возрасте, когда ты не болван,

всегда бываешь слишком полон собой! Но больше всего меня возбуждала¹ мысль, что я познакомлюсь с Бакуниным, что я стану (я в этом не сомневался) его личным другом.

Бакунин в Неаполе был своего рода мифом. Он был там, кажется, в 1864 и в 1867 годах и произвёл глубокое впечатление. О нём говорили как о необыкновенном человеке и, как обычно бывает, преувеличивали его качества и его недостатки. Говорили о его гигантском росте, о его чудовищном аппетите, о его небрежной одежде, о его пантагрюэлевской неряшливости, о его государевом презрении к деньгам. Рассказывали, что, приехав в Неаполь с крупной суммой в тот момент, когда туда часто прибывали польские революционеры, бежавшие от репрессий, последовавших за восстанием 1863 года, Бакунин просто отдал половину всего, что у него было, первому встреченному нуждающемуся поляку, затем половину оставшейся половины – второму поляку и так далее, пока – и ждать этого пришлось недолго – не остался без единого гроша. И тогда он брал деньги у друзей с тем же господским безразличием, с каким отдавал свои. Но это и многое другое было легендой, более или менее обоснованной, которая всегда складывалась вокруг имени того, кто по той или иной причине выделялся среди прочих. Важно было то, что во всех передовых кружках, или считавших себя таковыми, много говорили вокруг идей Бакунина, который пришёл расшатать все традиции, все социальные, политические, патриотические догмы, считавшиеся до тех пор массой неаполитанских «интеллектуалов» истинами несомненными и не подлежащими обсуждению. Для одних Бакунин был варваром Севера, без Бога и без Отечества, без уважения к чему-либо святому, и представлял опасность для святой итальянской и латинской цивилизации.

¹ in orgasm era

Для других он был человеком, который внёс в мёртвый застой неаполитанских традиций глоток здорового воздуха, который открыл глаза молодёжи, приблизившейся к нему, на новые и широкие горизонты; и эти – Фанелли, Де Лука, Гамбуцци, Туччи, Палладино и другие – были первыми социалистами, первыми интернационалистами, первыми анархистами Неаполя и Италии.

И так, от постоянных разговоров о нём, Бакунин стал и для меня персонажем легенды; и познакомиться с ним, приблизиться к нему, согреться у его огня было для меня пламенным желанием, почти навязчивой идеей.

Мечта должна была осуществиться.

Итак, я отправился в Швейцарию вместе с Кафьеро.

Я в то время был болезненным, плевал кровью и был признан чахоточным, или около того, тем более что я потерял родителей, сестру и брата от грудной болезни. Переваливая Готард ночью (тогда не было туннеля и нужно было пересекать снежную гору в дилижансе), я простудился и прибыл в Цюрих, в дом, где жил Бакунин, вечером, с кашлем и жаром.

После первых приветствий Бакунин устроил мне кроватку, пригласил, почти заставил меня лечь на неё, укрыл меня всеми одеялами и пальто, которые смог собрать, дал мне горячего чаю и велел мне быть спокойным и спать. И всё это с заботливостью, с материнской нежностью, которая меня тронула до сердца.

Пока я лежал, укутанный одеялами, и все думали, что я сплю, я слышал, как Бакунин говорил вполголоса любезные вещи обо мне, а затем с меланхолией добавил: «Жаль, что он так болен; мы потеряем его скоро, ему не хватит и шести месяцев». Я не придавал значения мрачному пророчеству, потому что мне казалось невозможным, что я могу умереть (мне трудно поверить в это даже сейчас); но я по-

думал, что было бы почти преступлением умереть, когда так много нужно сделать для человечества; я почувствовал себя счастливым от уважения этого человека и обещал себе сделать всё, чтобы его заслужить. И теперь, уже отягощённый годами, я горд тем, что если по моей неспособности и из-за неблагоприятных обстоятельств я до сих пор не смог сделать того, что хотел бы, то по крайней мере в намерениях я не оказался недостоин того уважения, которое Бакунин оказывал мне, юноше.

На следующий день я проснулся здоровым, и мы начали с Бакуниным и другими – швейцарцами, испанцами и французами – те бесконечные дискуссии, которым Бакунин умел придавать столько очарования.

Мы поехали в Сен-Имье, где – обратите внимание на черту народной психологии – мальчишки встретили Бакунина криком «Да здравствует Гарибальди!». Естественно, поскольку Гарибальди был человеком, о котором они больше всего слышали, эти мальчишки думали, что он должен быть колоссальным человеком. Бакунин был колоссален, они увидели его окружённым и чествуемым и решили, что это не мог быть никто иной, как Гарибальди.

Мы приняли участие в конгрессе, затем вернулись в Цюрих, и всё время обсуждали, договаривались и строили планы до глубокой ночи.

Я познакомился с Бакуниным, когда он был уже в преклонном возрасте и уже подточен болезнями, полученными в тюрьмах и в Сибири. Но я находил его всегда полным энергии и энтузиазма; и я понял всю его коммуникативную мощь. Невозможно было для молодого человека иметь с ним контакт, не воспламенившись священным огнём, не увидев расширенными свои горизонты, не почувствовав себя рыцарем благородного дела, не строя великодушных замыслов.

И это происходило со всеми, кто попадал под его влияние. Затем некоторые, по прекращении прямого контакта, мало-помалу меняли идеи и характер и терялись на самых разных путях, тогда как другие ощутили – и, если выжили, ощущают ещё – то влияние: но не было никого, я думаю, кто, общаясь с Бакуниным даже короткое время, не стал бы лучше.

В заключение расскажу характерный эпизод. Быть может, я уже рассказывал его в другие разы, но в любом случае он вполне заслуживает того, чтобы быть повторённым.

Это был момент конгресса в Сен-Имье, когда Маркс, Энгельс и их последователи из партийной злобы и из оскорблённого личного тщеславия особенно старались распространять клевету против Бакунина, который описывался как личность сомнительная, быть может, агент царизма.

Однажды в те дни об этом говорили в присутствии Бакунина, и все выказывали справедливое возмущение, когда один из нас, не отдавая себе отчёта в чудовищности того, что говорил, выпалил с таким предложением: «Надо заплатить этим людям их же монетой; они клеветают – будем клеветать и мы».

Бакунин встряхнулся, как раненый лев, испепелил взглядом предложившего, выпрямился во весь свой гигантский рост и крикнул: «Что ты говоришь, несчастный?! Нет, лучше быть тысячу раз оклеветанным, даже если люди этому поверят, чем унизиться перед самим собой до того, чтобы стать клеветником».

Память об этом настолько жива, что я и сейчас легко представляю этот великодушный жест.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.